

DOI 10.23683/2415-8852-2019-1-29-53

УДК 316

ПРОБЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПОЗИРОВАНИЯ¹

Галина Орлова

ведущий научный сотрудник Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)
e-mail: gaorlova@hse.ru

---

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда «Президентский центр Б.Н. Ельцина» в рамках проекта «Социальная история (1990-е годы)», реализуемого в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики».

Аннотация. Эта статья о том, как тела, фотокамера и газета делают постсоветское состояние и социальные изменения 90-х видимыми. Она посвящена истории неловкости, выявленной в акте фотосъемки. Автор работает с письмами и фотографиями, которые читательницы и читатели «Комсомольской правды» присылали в 1996–2000 гг. на гибридный конкурс красоты «Мисс КП», объявленный газетой. Неловкость или же неполнота, неумелость, неточность воплощения обнаруживается и в дискурсивных фигурах писем, и в некогерентном соседстве текстов и фотографий, и в способах фотографического позирования. В многообразии проявлений этой неловкости автор видит эффекты постсоветского экспериментирования с выявлением себя через тело и корпоральные тактики освоения нового в ситуации, когда изменяются телесные образцы достоинства, успеха, красоты, привлекательности, актуализируемые в позировании перед камерой.

Перспектива, задаваемая социальными исследованиями тела и визуальными исследованиями, здесь совмещается с аналитикой интердискурсивности и медиа. Эта комбинация позволяет формулировать и на внятном эмпирическом материале отвечать на следующие вопросы: как люди через свои тела вовлекаются в социальные изменения и участвуют в них? Как трансформации и сдвиги первого постсоветского десятилетия проявляются через телесные практики в целом и фотографическое позирование для конкурса красоты в частности? Как современницы распада Советского Союза добровольно или вынужденно переоткрывают свои тела заново?

Текст состоит из трех частей. В первой части неловкость была определена через ее связь с воплощением и историзирована. Сейчас конкурс красоты, организованный на страницах «Комсомольской правды», будет рассмотрен в своей гетерогенности как диспозитив постсоветских изменений. И, наконец, проявления неловкости, запечатленные на конкурсных фотографиях и спровоцированные в ситуации фотосъемки, станут предметом специального анализа.

Ключевые слова: позирование, воплощение, неловкость, социальные изменения, конкурс красоты, диспозитив, интердискурсивность, газета, постсоветское состояние, девяностые.

ЭКСПОЗИЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

(Продолжение. Начало см. № 1)

Я остановилась на неоднородности конкурса красоты, объявленного газетой «Комсомольская правда» среди своих подписчиц весной 1996 г. Квитанция, фотография и рассказ о себе, которых редакция ожидала от участниц, принадлежали разным порядкам дискурса. Для производства этих артефактов конкурсантки должны были совершить серию очень разных дискурсивных и недискурсивных операций: собрать необходимую сумму, сходить на почту, заполнить квитанцию, отсканировать ее, найти фотостудию или вручить кому-то камеру, подготовиться к съемке, подобрать режим фотомоделирования, напечатать и отобрать фотографии, найти слова и т.д. Не отказываясь от прослеживания связи между броской интердискурсивностью и социальными изменениями [Fairclough 2011], которые сделали конкурс возможным и которые он в свою очередь сделал видимыми, я начну с того, что охарактеризую конкурсное множество в его своеобразии.

Гетерогенные ансамбли дискурсивных и недискурсивных элементов, рассматриваемые из перспективы отношений между этими элементами, Мишель Фуко предложил называть диспозитивами [Foucault 1980: 95]. Развивая теорию диспозитива, немецкий исследователь Зигфрид Ягер, предложил опи-

сывать эти ансамбли как сборки дискурсивных практик, недискурсивных практик (действий) и манифестаций (материализаций), обеспечивающих возникновение и производство тех или иных объектов [Jäger 2002: 38]. В квитанциях, фотографиях, и позах, принятых перед камерой, я буду различать такие манифестации. Для меня важно, что конкурс не только не скрывает своей неоднородности, но и собирает, концентрирует в себе и делает видимой гетерогенность социальных изменений – политических, экономических, медийных – первого постсоветского десятилетия, то есть выступает в качестве диспозитива этих трансформаций. Об этом второй раздел моей статьи.

Несмотря на то, что многие считают анализ диспозитива дополнительным, надстроечным уровнем дискурсивной аналитики [Jäger 2002, Saborn 2007], нет никаких доказательств тому, что дискурсивная повестка должна быть сохранена в полной мере. Скорее, фукодианская трактовка диспозитива побуждает задуматься о тех отношениях, силах, способах управления множествами, что удерживают разнородные элементы вместе. Локализация и обеспечение видимости сети приобретают здесь особое значение. О том, что диспозитив следует трактовать не только как инсталлирующее устройство особого рода, но и как расположение, упоминает Валерий Подорога [2008]. Проблему видимости диспозитива поднимает Жан Комол-

ли. На примере кинематографа он убеждает, что диспозитив может обнаружить себя в отдельных образах [Comolli 2005]. Витаутас Михелькявичус, изучающий диспозитив литовской фотографии советского периода, считает, что диспозитив действует как сеть, одержимая не только производством власти, но и волей к показу [Michelkevičius 2011: 53].

Ниже я покажу, каким образом конкурсные подборки «Комсомолки» начали аккумулировать изменения, происходящие в России 90-х, обеспечивать локализацию, соположение и соотнесение трансформаций, происходящих на разных этажах социального, и делать стремительно мутирующую социальность видимой.

Операция «апроприация»

С самого начала «Мисс КП» продвигали как комфортную и мягкую альтернативу конкурсам красоты, на которых «совершенно незачем толпиться <...> в надежде, что и на тебя обратят внимание и вдруг пригласят на сцену, обласкают прожекторами и вручат алмазную корону» [КП, 24.03.1996]. Заимствуя

популярный формат, который всегда оценивала неоднозначно, и адаптируя его для собственных нужд, «Комсомолка» вынуждена была оправдываться и за эпигонство, и за его неполноту: «Не судите строго за название, просто, ей-богу, надоели все эти “Мисс Европы” с “Азиями” вместе, в конце концов у нас с вами есть свой континент – газета» [КП, 24.03.1996].

Перемещение конкурса в газету с богатым комсомольским прошлым стало возвращением к истокам. В 1987 г., когда формат только начинали тестировать в Восточной Сибири и Одессе¹, «Московский комсомолец» по фотографиям выбирал самую привлекательную читательницу. От этого события часто отсчитывают историю отечественных конкурсов красоты. Их предтечей Мелани Илич считает спортивные парады 30-х, а Леонид Парфенов – телепередачу «А ну-ка, девушки!». Передача была закрыта за «несоответствие духу времени» в том же 1987-м². Уже на следующий год под эгидой ЦК ВЛКСМ с размахом провели «Московскую красавицу». Машина конкурсов заработала в полную силу³.

¹ Первым отчетом о конкурсе красоты Илич, изучающая (пост)советские конкурсы красоты на фоне традиции (социалистического) соревнования, считает публикацию в «Советской России» за 18 марта 1987 г. «Лилия – Мисс Иркутск» [Илич].

² Подробнее см.: [Факультатив. История: Советская красавица (2012)]. <https://www.youtube.com/watch?v=f5cvTqziGco>.

³ С 1970 г. «А ну-ка, девушки!» выходили в эфир по пятницам после программы «Время». Состязались симпатичные «телеграфистки и телефонистки, наладчицы и намотчицы»: гоняли на бричках, определяли на глазок

Сборка 4. Девушки и красавицы

удойность коров, вели экскурсии, стряпали, угадывали птичьи голоса и мелодию, представляли спортивно-танцевальные композиции. Здесь демонстрировали и оценивали трудовое усилие, исполнительское мастерство, эрудицию, сноровку и смекалку. И никогда – красу тела как нечто самодостаточное. Уже на первом конкурсе красоты все было иначе, предчувствие новых форм обернулось разрывом с привычными советскому телезрителю политиками тела, сексуальности, идентичности [Сборка 4]: «И все-таки что же это было? <...> Не знаю. Ведь так долго у нас торжествовал образ нашей советской женщины-труженицы <...>. И вот вместо той, формальной, эмансипированной, такой знакомой и понятной, на импровизированную сцену Дворца спорта в Лужниках вышла другая. Да как и в чем? <...> в купальнике?! А где же прежние маскарадные костюмы: телогрейки, фуфайки, холщовые комбинезоны, рукавицы, косынки, кирзовые сапоги? Где конкурсы на самую гостеприимную хозяйку, которой под силу поднатужиться и накормить <...> весь зрительный зал?» [КП, 14.06.1988].

Редакция газеты лукавила, говоря о надоевших ей «Европах с Азиями». Между 1988 и 1996 годами о зарубежных конкурсах красоты «Комсомолка» писала регулярно, любезно и протокольно. Журналистское раздражение и хорошо артикулированную скуку все чаще вызвали отечественные инициативы со словом «мисс» в названии.

Заголовки материалов, опубликованных в «КП» за десять лет, до некоторой степени позволяют судить об изменении отношения редакции к конкурсам красоты. Они фиксируют сдвиг от первых проявлений осторожного интереса и скепсиса к системному разочарованию. От красавиц – к «мискам». От обещаний увлекательного зрелища и торжества постсоветской эмансипации – к шаблонам, низкому качеству, скандалам, нечестной игре, дурному вкусу, коммодификации, сексуализации и объективации женского тела¹: «Крутой люд пришел подыскать себе предмет обожания. Предметы выстроились в ряд по линейке, как на конкурсе школь-

ной самодеятельности». В конце 90-х, когда «Комсомолка» стала писать о том, как королев обливают кислотой и убивают, репертуар негатива дополнили угрозы реификации красоты и риски от сращивания сертифицированной красы с криминалом [Сборка 5].

Больше всего от репортеров – главными спецами по красавицам в «Комсомолке» были светские хроникеры Григорий Резанов и Татьяна Хорошилова – доставалось «Мисс России», «Красе России», «Мисс СНГ», «Мисс Очарованию», «Мисс Москве» и другим конкурсам, созданным по образу и подобию зарубежных шоу, но уступающим им по уровню организации и мастерства, блеску и качеству исполнения².

Если отчеты репортеров сулили какое-то разнообразие (очередной скандал или война за бренд, непотребное поведение члена жюри или жалкое меню), то неизменный визуальный ряд конкурсов обеспечивал вечное возвращение к реальности несоветских тел и отношений, зрелищ и ценностей. В фотографиях, которые пу-

---

¹ Позиция газеты в целом рифмуется с позицией исследовательниц, изучающих конкурсы красоты на фоне постсоветских изменений. Так, Элизабет Вотерс видит в них заимствование западного образа жизни и попытку его адаптации к позднесоветским реалиям [Waters: 118–119]. А Валери Сперлинг рассматривает эпидемию конкурсов как проявление «нового сексизма» и сексуальной объективации женщины в (пост)советской России [Sperling: 174–175].

² Газета писала не только о главных конкурсах, но и о конкурсах второго плана. Доброжелательно – о соревнованиях профессиональных моделей (Супермодель-89 и т.д.), с любопытством – о ведомственных состязаниях (Мисс Пресса, КГБ, МПС), разоблачительно – об аморальных битвах за лучший бюст, осиную талию, длинные ноги.

Сборка 5. Градации разочарования. Заголовки публикаций о конкурсах красоты в «КП» за 1988–1999 гг. размещены в хронологическом порядке сверху вниз

бликовала «Комсомолка», манифестацией конкурсов красоты становятся улыбчивые короны

плюс длинные ноги. И тело, и парадные фотографии Маши Калининой в эти шаблоны еще

Сборка 6. Конкурс красоты в визуальных клише и шаблонах

не вписаны – тем и интересны. А вот вне шоу газета показывала победительниц с большой симпатией, проявляя интерес к уникальности их характеров, лиц, коленок [Сборка 6].

Конкурсы красоты форматировали и колонизировали воображение 90-х: девочки больше не хотели быть учительницами и принцессами, мечтая о славе королевы и карьере модели¹. А «Комсомолка» рассчитывала получить доступ к этому символическому ресурсу, устроив подвиге конкурса красоты у себя. Здесь не было дефиле в купальниках, а в финале – короны. Но участницы без всяких ограничений демонстрировали свою привлекательность. Жюри поначалу работало «под патронатом» любимого персонажа «Комсомолки» – Филиппа Киркорова. Видеомагнитофон – в 1996-м это был ценный подарок – победительнице вручали.

Перевод конкурса красоты в гибридный формат обеспечила сама газета. Всем заправляла редакция. Она объявляла конкурс, отбирала фотографии, управляла их видимостью, называла победительниц и скрыто эксплуатировала их труд. Неоплачиваемое позирование для календаря «Комсомолки» называлось превращением «простой уральской девчонки в принцессу», а использование девичьего лица для представления материалов номера считалось привилегией. Все участницы были подписчицами, а зрители

– читателями. Связывая фотографии читательниц, новые конфигурации желаний, коллективного воображения и воплощения с выживанием периодического издания в условиях рынка, конкурс должен был обеспечить «Комсомольскую правду» подпиской и подписчиками².

Мисс может быть каждый!

Перенос состязания на страницы общенационального ежедневного издания заметно повлиял на характер конкурса. Использование фотографий сделало его доступнее. Газетный подиум сулил конкурсанткам всероссийскую известность. А коль скоро красавицу выбирала «Комсомолка», участницы могли комбинировать разные режимы принадлежности, чувствуя себя по желанию и комсомолками, и красавицами.

Репутация самого демократичного конкурса закрепилась за «Московской красавицей-88»: пробовались все желающие девушки, формула 90–60–90 не применялась, очередь стояла от Октябрьской до Парка Горького. Марина Парусникова, представляющая точку зрения организаторов, в интервью «Cosmo» вспоминает об этом опыте как о торжестве Перестройки: «Перестройка позволила каждому обычному человеку, каждой красивой женщине или той, что считает себя красивой, прийти и показать

¹ Подробнее см.: [Орлова].

² О конкурсах красоты как бизнесе и коммерческом интересе к ним в (пост)советской России см.: [Waters].

себя» [Красавицы]. Впрочем, «Мисс КП» давала еще большую свободу.

Поскольку идти в парк культуры или ехать за тридевять земель не требовалось, география конкурса получилась представительной¹. И даже одиннадцатилетняя «почти отличница» прислала свое фото из поселка Улькан на БАМе, куда «фотограф приезжает раз в год» [КП, 05.96.1996].

Участницы самостоятельно выбирали форму манифестации и предьявления себя публике. Фотографировались голышом, заворачивались в полотенца, надевали кокошники, не снимали шубку, фату или армейскую форму. Обнимали березку, показывали теннисный мяч, зависали в прыжке, изображали русалку, выглядывали из автомобиля. Позировали на фоне вечных советских ковров и постсоветского велюра. В садах и теремах, на море и сеновале. С козлятами, котятами, плюшевыми медведями, балалайками, караваями, свечами и прочим реквизитом.

Бороться за титул региональной или все-российской «мисс» могли только незамужние и бездетные особы, тогда как для главной

красавицы «Комсомолки» этих ограничений не существовало, Впрочем, как не существовало и возрастных барьеров. Дошкольницы здесь соседствовали с бабушками.

Несмотря на гендерно маркированную грамматику – конкурс изначально был адресован «очаровательным подписчицам» – в газету настойчиво обращались подписчики. Сдавшись, редакция подготовила две тематических подборки «Мистера КП».

А к 9 мая сверстали ветеранский блок: «Мы не ожидали, но на наш конкурс подписчиков стали приходить письма от людей, которые вроде бы по возрасту для них не подходят. От ветеранов. Но мы рады: вы всегда нам дороги, проводим мы конкурс или нет» [08.05.1996].

Наконец, никто не настаивал на синхронизации возраста человека на снимке с возрастом участия в конкурсе. Поэтому для кого-то «Мисс КП» стала машиной времени: в ход пошли студенческие фотографии, сделанные до и во время торжества кукурузы и целины [Сборка 7].

---

¹ Под фотографиями значились Орел, Балаково, Москва, село Едогон Иркутской области, хутор Перекопки Волгоградской области, Челябинск, Санкт-Петербург, Новосибирск, Ессентуки, Владивосток, Псков, Пермь, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Ульяновск, Брянск, село Кулешовка, Жуковский, Днепропетровск, село Некрылово, Казань, Красногорск, Алма-Ата, поселок Веселый, Тольятти, Зеленокумск, село Реботы (Карелия), село Большое Маресово (Мордовия), Графское (Воронежский заповедник), поселок Ахтырский, Новая Усмань, Минск, Воронеж, Первоуральск, Чита, Саратов, хутор Пятиизбенский, Чистополь, Усинск, Ставрополь, Саров, Хабаровск, село Покровское Приморского края, Самара, Северск, хутор Бойко-Понура Краснодарского края и т. д.

Сборка 7. Поверхность конкурса

Многоголосие, которым в 1996 г. поражала «Мисс КП», за пару лет сошло на нет вместе с эпохой. Еще до прихода путинского гламура в отборе конкурсных фотографий и способах представления себя возобладали актуальные, все более глянцевого, стандартизированные, профессиональные, отработанные в школах моделей или в равнении на них репертуары молодости и красоты [Сборка 8].

Мое внимание привлекает этот эпизод из истории постсоветских воплощений – эдакий соматический апокриф, поместившийся в интервал между 1996 и 2000 годами. За это время стандартизации и закрепления новой нормативности в режимах фотографического позиционирования и фотомоделирования еще не произошло, но активный поиск образцов, их освоение и присвоение шли полным ходом.

Фотограф невидим

В 1995 г. в свет вышла «Невидимость переводчика» Лоуренса Венути, где эпистемологическая дискуссия о непереводаемости была дополнена культурной критикой и политэкономией перевода в англоязычном мире [Venuti]. Год спустя «Комсомольская правда» вступила в порядок невидимости иного рода. В рамках «Мисс КП» достоинства внешности участниц оценивали по фотографиям, однако труд их создателей и вклад технологии, обеспечивающей перевод девушки в изображение, в расчет не принимались.

Так было не везде и не всегда. На конкурсе эротической фотографии, объявленном «Московским комсомольцем» в 1997 г., соревновались фотографы, а модели оставались безмянными. Для голого конкурса в «Скандалах» имя мастера не имело значения, модель могла сохранить анонимность, а фотоработы – как подчеркивала редакция – не рецензировались. Однако требования к снимкам были оговорены: «Не принимаются фотографии цветные, низкокачественные, банальные, порнографические». На конкурс «Фотомодель Дона-96», проводимый региональной редакцией «КП» и ростовской школой красоты «Имидж», требовалось прислать портрет и фото в полный рост. В случае «проблем с поиском фотохудожника, способного выполнить качественные снимки», организаторы обещали помочь и даже давали телефончик «фирмы “Имидж”», тем самым добавляя объявлению о конкурсе привкус рекламы фотослужбы. Для «Мисс КП» значение имела квитанция об оформлении подписки, а не эпатаж, получение заказов на фотосессию или пополнение базы моделей. Формат не должен был отпугнуть потенциальных подписчиков и подписчиц высокими стандартами съемки или невыполнимыми требованиями.

До того, как «Комсомольская правда» взялась устраивать конкурсы подписчиков, у нее были свои фотоконкурсы (Фото-89, Фотоконкурс-90, Ракурс). Они достались в наследство от эпохи широкого творчества народ-

Сборка 8. В поисках интервала. *Верхний ряд:* участницы регионального конкурса «Фотомодель Дона-96», мечтающие о карьере модели. *Средний ряд:* участницы «Мисс КП-96». Часть из них проходит обучение в школах красоты. Воспитанница читинской школы-студии «Свой стиль» (*крайняя справа*) сообщает, что там с нею «занимаются очень профессиональные преподаватели – художник-модельер, режиссер, психолог, балетмейстер, гинеколог, стилист, стоматолог» [КП, 22.10.1996]. *Нижний ряд:* участницы «Мисс КП-2000». Все они закончили школы моделей, заняты или планируют работать в модельном бизнесе

ных масс. Фотографы-любители получали пространство самовыражения, победители – премии и ценные подарки, а редакция – бесплатный качественный контент. В 1989–1991 гг. конкурсанты тяготели к перестроечной парадигме документальности и острой социальной фотографии. После приватизации

«Комсомольской правды» острота снимков смягчилась – на первый план выдвинулось тело. Например, тело невесты, ныряющей в прорубь прямо с первой полосы [КП, 30.01.1993]. Традиция оборвалась в 1993-м. Тогда же из газеты исчез еще один жанр – фотоотчеты о выставках художественной

Сборка 9. Исчезающая натура

эротической фотографии, появившиеся в конце 80-х. К этому времени для размещения в «Комсомолке» изображения (полу)обнаженной женщины дискурсивная рамка фотоискусства уже не требовалась [Сборка 9].

Из этой перспективы «Мисс КП» можно трактовать и как восстановление конкурсов с фотографиями, но без фотографов, и как создание собственной фотогалереи тела на страницах газеты. Реализуя этот проект, «Комсомолка» произвела знаковое смещение от культурного производства к потребле-

нию, от художественного творчества – к мастерству самопрезентации, от трансгрессии – к массовому спросу на новое воплощение. Фотограф был забыт, а целостность отдельного изображения разрушена.

Ни с профессиональными, ни с любительскими фотографиями, присланными на конкурс, редакция не церемонилась: их обрезали, укладывали друг на друга, кадрировали в овале, скругляли углы или размещали под углом, делали фоном для текста и даже обрезали по контуру фигуры [Сборка 10].

Сборка 10. Без церемоний

Возникла путаница: фото дочери монтировали с историей мамы Аллы, а вместо сержанта пограничных войск на снимке красовался кто-то другой. Альбом, который

создавала таким образом газета, становился важнее снимка, а куратор контента – важнее фотографа. Личный фотограф-папа или муж, который по случаю конкурса обзаво-

дится «Полароидом», чтобы учительница из тувинского поселка могла принять участие в состязании [КП, 24.07.1996], изредка присутствуют в комментариях к снимкам. Иногда что-то известно об истории самой фотографии – муж-моряк не расставался с этой реликвией в дальних плаваниях или снимок уже победил на фотоконкурсе, устроенном читинской школой красоты [26.06.1996]. Кто-то из участниц упоминает о своем увлечении фотографией. Дважды девушки красуются на конкурсных снимках с камерами или штативами. Но куда чаще они пишут о том, что любят фотографироваться.

Это авторитетно подтверждает редакция. Рассказывая о путешествии победительницы «Мисс КП-98» в Москву, она сообщает, что «больше всего понравилось немногословной Маринке позировать в настоящей студии, с настоящими визажистами и костюмами» [КП, 30.12.1998]. Фотография здесь опознается как повод для позирования и его результат.

Политэкономия конкурса

«СПИД-Инфо» вошел в историю 90-х не только своим секспросветом, но и зажигательным интерактивом. Письма читателей в еженедельник со временем стали восприниматься как анекдот и превратились в атрибут утверждения сексуальности в постсоветской России.

А вот для «Комсомолки» времена легендарных дискуссий и стилеобразующей переписки с читателями остались в советском прошлом. В эпоху рынка публичное общение с аудиторией все больше велось через акции и конкурсы, привлекающие и окликающие читателей в качестве подписчиков.

В декабре 1990 г., перестав быть печатным органом ЦК ВЛКСМ и столкнувшись с ростом цен на бумагу, «Комсомолка» вынесла на обсуждение читателей антикризисную программу. В 1991-м она видела свою миссию в том, чтобы стать общенациональным изданием с человеческим лицом. А в 1993-м начала систематически соблазнять подписчиков конкурсными обещаниями и бонусами. Например, скидкой на бытовую технику и компьютеры [**Сборка 11**].

По мере коммерциализации издания, когда конкурсы с призами для подписчиков вытеснили фотоконкурсы, в «Комсомолке» появились специальные вкладыши и выпуски выходного дня. «КП в субботу», а позднее «Толстушка» стали пространствами рекреации, где публиковали конкурсные материалы – лучшие письма о любви и кулинарные рецепты, рассказы про встречи с великими и оды теще. Квитанцию на подписку встраивали прямо в подборки.

«Лицо России» (1995) – первый конкурс подписчиков, где фотография значила больше рассказа. Уже потом с помощью снимков соревновались лучшие малыши и пары,

Сборка 11. От солидарности к суггестии

толстушки и курьезы. Как правило, это были краткосрочные одноразовые проекты. Исключением стал сезонный конкурс на лучшее фото в купальнике, впервые организованный в 1999 г., а абсолютной рекордсменкой и долгожительницей – «Мисс КП» [Сборка 12].

Здесь каждая конкурсная публикация была рекламой или саморекламой – напоминанием и о возможности поучаствовать в «Мисс КП», и о подписке как главном условии победы. Однако масштаб напоминания со временем менялся: если начиналось все с пары строк, дополняющих подборку

Сборка 12. Семейство конкурсов

нечетких фотографий и выдержек из рассказов участниц, то к концу 1999-го портрет конкурсантки превратился в иллюстрацию к сильно разросшемуся объявлению-напо-

минанию. Чем лучше было видно девушку в газете, тем меньше она была собой и больше – «Комсомолкой». Точнее, ее лицом [Сборка 13].

Сборка 13. Прогрессирующее напоминание

Со своей стороны участницы и участники конкурса не только запасались квитанциями, но и время от времени сообщали о трудностях, возникающих в жизни подписчика. Илона из украинской Шепетовки, где подписку все не объявляли, умоляла редакцию дать ей шанс на участие без квитанции [КП, 22.05.1996]. Девочка-подросток из Казани сообщала: «На первое полугодие подписался мой дедушка Федор Степанович. Во втором полугодии пошел мой папа, Константин Федорович. Но подписался только на три месяца, а еще три, которые мы ему отметили, он старательно замазал. Он ученый, а с зарплатой у них – проблема». Молодая мать из поселка Веселое сетовала, что не удалось подписаться с апреля, поскольку «Татуля (одиннадцатимесячная дочурка) требует внимания» [КП, 05.06.1996]. Впрочем, признания в любви и преданности в опубликованных письмах преобладали над

остросоциальной повесткой. Редакция охотно масштабировала эти сантименты, превращая фигуры аффективного позирования в заголовки конкурсных подборок.

Конкурсантки рапортуют о личном («"Комсомолку" выписываю с 1952 года», «Подписываюсь на вашу газету второй год. Но в нашем городе много ваших подписчиков. Газету хвалят») и семейном стаже подписчика («"Комсомолку" в нашей семье выписывают лет 40 (35, 20)», «"Комсомолка" – единственная газета нашей семьи»), признаются в любви на новый («Люблю литературу и бананы. "Комсомолку" люблю больше всего») и старый лад («На протяжении многих лет читаю "Комсомолку", привязана к тебе и не могу расстаться, хоть я уже и бабушка»), благодарят («Через "Комсомолку" познакомилась с семьей из Германии. Они меня пригласили к себе. И я целый месяц знакомилась

с интересными местами и людьми. Спасибо») и мечтают о работе в «Комсомолке», желают «роста числа подписчиков» и откровенничают («Не буду лицемерить и говорить, что читаю “Комсомолку” 80 лет. Совершенно случайно увидела номер газеты с условиями конкурса и решила участвовать!»). Преподаватель из Рязани подчеркивает особое качество «Мисс КП» в ряду других состязаний в красоте, намекая на символический капитал вчерашней комсомольской газеты – законо-

дательницы образцов социализации: «Звание “Мисс Комсомолка”, по моему мнению, гораздо весомее, чем остальные титулы, которые схожи с вашим по названию» [КП, 09.04.1996].

Но дальше всех в сокращении дистанции продвинулась участница совсем другого состязания. Женя из Воронежа, одержавшая победу в конкурсе «Купальник-2000», соорудила из любимой газеты бикини [Сборка 14].

Сборка 14. Опыт аффективного позирования

Форма – печатная

«Мисс КП» была дистанционным состязанием в красоте, конкурсом фотографий без авторства и технологией привлечения подписчиков. Но базовой медиа-репрезентацией для всех этих событий оставалась публикация в газете, сверстанная броско и узнаваемо.

Первые годы главный читательский конкурс «Комсомолки» лихорадило: подборки из 5–9 фотографий появлялись урывками. В 1996-м его объявили в марте, грозились завершить в июле, официально продлили на неопределенный срок в конце августа, видеомagneтофон вручили в декабре, пообещав продолжить в новом году. Возобновили в апреле, но что-то не задалось.

Номер за номером я штудировала ростовскую подборку «Комсомолки» из коллекции Донской публичной библиотеки и основательно изучила столичный архив, но за 1997-й обнаружила всего две конкурсных подборки, а за следующий год – четыре¹. В 1999-м «Мисс КП» стартовала только в сентябре, но до конца года вышло целых 23 публикации.

Этому способствовало изменение формата: с середины ноября вместо коммунальных блоков-столбцов, составленных из фотографий 5–10 претенденток, стали публиковать индивидуальные портреты. В 2000-м г. их было уже 136 – печатали круглый год [Сборка 15]. В «Толстушке» они появлялись на 16-й полосе. Формат сложился и был воспроизведен в 2001-м.

«Мисс КП» начинали верстать на сером фоне, узкими лентами от верха до низа полосы. Заголовок, набранный курсивом, воспроизводил известную песенно-поэтическую строку или вольно отсылал к ней: «Почему ты мне не встретила», «Какие девушки на вас бросают взоры!», «Я встретил вас. И все!». Позиция, с которой производились эти ироничные восторги, вторичные комплименты и незатейливая сексуализация, была не очень четко определена. То редакция через короткие комментарии и лидер-абзацы интерpellировала мужскую аудиторию («Именно так должен сказать каждый мужчина, увидев фото оча-

---

¹ Помимо централизованного конкурса существовала, как минимум, одна локальная инициатива, направленная на заполнение бреши в графике мобилизации подписчиц и подписчиков. См.: [Орлова 2019]. Осенью 1997 г. ростовская региональная редакция организовала конкурс «Лицо Комсомолки». У «Лица» были примерно те же задачи, что и у «Мисс КП»: используя формуляр конкурса красоты, предоставить подписчицам площадку для публичного позирования и фотомоделирования себя в обмен на подписку. Следовал ли Ростов общему тренду? Задавал ли региональную моду? Заимствовал ли опыт других региональных редакций? Был ли одиноким эпигоном? Или экспериментатором? Для ответственного ответа на этот вопрос у меня нет данных, но есть убеждение, что на российские 90-е можно и нужно смотреть через федеративный пазл, собираемый «Комсомольской правдой» в первое постсоветское десятилетие.

пока у меня идет выбор – чем заняться, чтобы обрести гармонию и реализоваться как личность» – в «хочу быть личностью!». Чем сложнее и затейливее было авторское высказывание, тем радикальнее редакция его пародировала и адаптировала к требованиям новых экономик внимания.

В экстравертированном и экзальтированном мире, разметку которого задавали конкурсные заголовки, задумчивость уступала место призыву, переживание – желанию, а рассуждение – декларациям, лозунгам и не очень ловким афоризмам.

Из рассказа «на страничку», который заказывали участницам конкурса, даже в лучшие времена публиковали не более двух-трех строк. А в 1997–1998 гг. все сжалось до цепочки личных данных: ФИО, место жительства, возраст, род занятий (опционально). О критериях сбора фрагментов для публикации и масштабе журналистского участия в их редактировании можно только догадываться. С фотографиями из конкурсных подборок – проще. Их размер, кадрирование и расположение на полосе заметно зависят от качества снимка и масштаба редакционной симпатии к девушке, на снимке изображенной.

И все же не очарованность, но ирония, дистанция, управление разнообразием задавали редакционный стиль курирования конкурсного контента.

(Продолжение следует)

Литература

Орлова Г. Разрыв. Обнажение «Комсомолки» // Неприкосновенный запас. 2019. № 125. С. 107–110.

Подорога В. Власть и сексуальность (тема диспозитива у М. Фуко) // Синий диван. Философско-теоретический журнал. 2008. № 12.

Caborn, J. (2007). On the methodology of discursive analysis. *Critical Approaches to Discourse Analysis across Disciplines*, 1, 115–123.

Comolli, J. (2012). *Corps et cadre. Cinéma, éthique, politique*. Paris: Verdier.

Foucault, M. (1980). *Power/knowledge: selected interviews and other writings, 1972–1977*. Vintage.

Ilic, M. (2014). Women and competition in state socialist societies: Soviet-era beauty contests. In K. Miklóssy & M. Ilic (Eds.), *Competition in socialist society. Studies in the history of Russia and Eastern Europe*. L.: Routledge, 159–175.

Jäger, S. (2007). Theoretical and methodological aspects of Foucauldian critical discourse analysis and discursive analysis. In R. Wodak, & M. Meyer (Eds.), *Methods of critical discourse analysis*. Los Angeles: Sage, 32–62.

Michelkevičius, V (2011). The Lithuanian SSR Society of Art Photography (1969–1989): an image production network. Vilnius: VDA.

Sperling, V. (2000). The “new” sexism: images of Russian women during the transition. In M. Field, & J. Twigg (Eds.), *Russia's torn safety nets: health and social welfare during the transition*. L.: Macmillan, 173–191.

Venuti, L. (1995). *The translator's invisibility: a history of translation*. L., N.Y.: Routledge.

Waters, E. (1993). Soviet beauty contests. In I. Kon & J. Riordan (Eds.), *Sex and Russian society*, L.: Pluto, 116–34.

References

Caborn, J. (2007). On the methodology of dispositive analysis. *Critical Approaches to Discourse Analysis across Disciplines*, 1, 115–123.

Comolli, J. (2012). *Corps et cadre. Cinéma, éthique, politique*. Paris: Verdier.

Foucault, M. (1980). *Power/knowledge: selected interviews and other writings, 1972–1977*. Vintage.

Ilic, M. (2014). Women and competition in state socialist societies: Soviet-era beauty contests. In K. Miklóssy & M. Ilic (Eds.), *Competition in socialist society. Studies in the history of Russia and Eastern Europe*. L.: Routledge, 159–175.

Jäger, S. (2007). Theoretical and methodological aspects of Foucauldian critical discourse analysis and dispositive analysis. In R. Wodak,

& M. Meyer (Eds.), *Methods of critical discourse analysis*. Los Angeles: Sage, 32–62.

Michelkevičius, V. (2011). The Lithuanian SSR Society of Art Photography (1969–1989): an image production network. Vilnius: VDA.

Orlova, G. (2019). Razryv. Obnazhenie «Komsomolki» [The Gap. Exposure of the “Komsomolka”]. *Neprikosnovennyj Zapas* [Emergency store], 125, 107–110.

Podoroga, V. (2008). Vlast' i seksual'nost' (tema dispozitiva u M. Fuko) [Power and sexuality (Foucault's dispositive theme)]. *Sinij Divan. Filosofsko-teoreticheskij Zhurnal* [Blue sofa. Philosophical and theoretical journal], 12.

Sperling, V. (2000). The “new” sexism: images of Russian women during the transition. In M. Field, & J. Twigg (Eds.), *Russia's torn safety nets: health and social welfare during the transition*. L.: Macmillan, 173–191.

Venuti, L. (1995). *The translator's invisibility: a history of translation*. L., N.Y.: Routledge.

Waters, E. (1993). Soviet beauty contests. In I. Kon & J. Riordan (Eds.), *Sex and Russian society*, L.: Pluto, 116–34.

THE SAMPLES OF THE POST-SOVIET POSING

Galina Orlova, Leading Research Fellow, International Centre for the History and Sociology of World War II and Its Consequences, National Research University “Higher School of Economics”; e-mail: gaorlova@hse.ru

Abstract. This article is about how bodies, camera and newspaper make the post-Soviet state and social changes of the 90s visible. It tells a history of the awkwardness revealed in the act of photographing. The author works with the letters and photographs that the readers of *Komsomolskaya Pravda* sent to the hybrid beauty contest *Miss KP* announced by the newspaper between 1996 and 2000. Awkwardness or incompleteness, ineptitude, inaccuracy of embodiment is found in the discursive figures of the letters, in the incoherent juxtaposition of texts and photographs, and in the techniques of the photographic posing. In the varieties of awkwardness, the author discovers the effects of the post-Soviet experimentation with revealing the self through the embodiment and corporal tactics of mastering the new in a situation where body patterns of dignity, success, beauty, attractiveness, actualized in posing in front of the camera, change.

The perspective given by the body culture studies and visual studies is combined here with the analytics of interdiscursivity and media. This combination allows formulating and answering on the basis of the empirical material the following questions: how do people get involved in social changes and participate in them through their bodies? How do the transformations and shifts of the first post-Soviet decade manifest themselves through the bodily practices in general and the photographic posing for a beauty contest in particular? How do the contemporaries of the Soviet Union collapse re-opened their bodies anew, voluntarily or involuntarily?

The text consists of three parts. First, the concept of awkwardness is specified through its connection with the embodiment. Then the beauty contest of *Komsomolskaya Pravda* is described in its heterogeneity as a dispositive of the post-Soviet changes. And finally, the manifestations of awkwardness captured in competitive photographs and provoked in front of the camera come into focus.

Key words: posing, embodiment, awkwardness, photography, social changes, beauty contest, dispositive, interdiscursivity, newspaper, post-Soviet state, 90^s.

